

НИКОЛАЙ САПРЫКОВ

16+

СЛЕДЯЩИЙ ЗА
ГОРИЗОНТОМ

Николай Борисович Сапрыков

Следящий за горизонтом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57329558

SelfPub; 2020

Аннотация

Уже как полгода Майкл Рейв прячется в подземном изолированном бункере от смертельного бактериального вируса. Он регулярно выходит на связь со своей любимой женой Лорис, которая по счастливой случайности также сумела спастись. Через здоровенный монитор, что транслирует происходящее на поверхности, Майкл наблюдает за воспрянувшей на руинах природой. Пройдёт несколько дней, и двое влюблённых снова будут вместе, а пока между ними роют тоннель, Рейву предстоит впервые поведать Лорис о своём последнем дне на поверхности Земли.

...2.1

Сегодня потрясающая погода. Переливы весенних цветов, движение крон деревьев – это неподражаемо. Лучи дневного света, пронизывающие каждый дюйм видимого пространства, притягательно ласковы. Пару минут назад неподалёку мелькнул то ли лось, то ли олень, видимо, отшельник, так как других особей Майклу высмотреть не удалось. Наблюдать за этим естественным очарованием было одним удовольствием. Майклу грезилось, что, если бы представился шанс, он многим бы мог пожертвовать, чтобы хоть разок, ещё разок надышаться весенним духом.

Он не отслеживал никаких климатических изменений, количество вредных или смертельных веществ в атмосфере. Он вообще не знал, есть ли в инструментарии этой панели нужные датчики и приборы. Инструкции ни к чему не прилагалось. Всё, чем Майкл умел управлять с этого пульта, он постиг знаменитым методом тыка. И несмотря на систематическое использование вышеупомянутого компьютера в течение полугода, он до сих пор натывался на новые функции, наличие которых каждый раз заставляло Майкла продолжать исследовать аппарат, проводя каждую новую сессию более кропотливо.

Однажды Майкл нашёл даже военный сканер, и, не найдя ему полезного применения, в тот же день забыл о его су-

ществовании. По существу говоря, на постоянной основе он пользовался только двумя камерами наружного наблюдения, радиосвязью и видеосвязью.

Отключив трансляцию, он вышел из зала к кухне, где его уже ждал заранее им же накрытый завтрак. В те времена, когда Майкл жил в своём доме, что в пятнадцати минутах езды отсюда, его утренняя трапеза почти всегда сопровождалась пристальным наблюдением за происходящим на улице сквозь стёкла деревянных окон. Майклу было весьма занятно воображать себе, что он, сторонний бессмертный наблюдатель, следит за ходом движения всего, будучи неприкасаемым. Что его эмпиричность никуда не денется, даже если поменяется сама форма бытия.

Мысли, не присущие тихим и покорным людям, окутывали с ног до головы ровно до тех пор, пока не заканчивался утренний кофе. Или голос Лорис не оповещал о том, что пора бы поторапливаться на работу.

Лорис, любимая Лорис. Сидя на табуретке и поедая овощные и мясные консервы, Майкл думал о том, каким будет их с Лорис воссоединение после продолжительного расставания. Сегодня вечером, когда она свяжется с ним, он обязательно уточнит, как идут работы по прокладыванию тоннеля, или, как его называют на том конце провода, «Сети коммуникаций подземного города Айнис».

Если судить по масштабам проделываемых работ, то можно сделать однозначный вывод, что в ближайшее время вы-

жившие не планируют взбираться обратно на поверхность для продолжения жизни «как в старые добрые времена». Самым удачливым получится продержаться наверху только несколько часов. При условии, конечно, что на них не будет специальной экипировки. Если надеть, например, защитный костюм класса «Надежда», то находиться на поверхности можно будет до двенадцати часов. Описание и инструкцию как раз к такому костюму Майкл нашёл около второй герметичной входной двери, а вот самого костюма на месте не оказалось.

Соскоблив остатки консервированной говядины, Майкл неспешно сгрузил отходы в бак, стоявший напротив входа в помещения уровнем ниже. На белой двери так и было написано: «Нижний уровень». С соседней дверью к санузлу сложно перепутать, надпись сразу же бросается в глаза. Но выполняя одни и те же действия, находясь только здесь изо дня в день, не глядя открывая двери, Майкл не один десяток раз наткнулся не на то помещение.

И вот, что еще заботило Майкла последнюю неделю: почему на одной двери табличка есть, а на другой её нет? Или почему бы не повесить её на соседнюю дверь с надписью «Туалет, ванная» к примеру, а вход в подвал оставить без таблички. По какому принципу было принято именно такое решение? А может, повесить вторую просто не успели?

Мусорный бак был уже практически под завязку забит железками из-под консервов и пресервов, бутылками и бумаж-

ными отходами. Майкл решил немного почитать после сытного завтрака, а потом уже отнести мусор под пресс для переработки. Помыв посуду, он прошёл к дальней комнате – спальне, вдоль стен которой размещались стеллажи с книгами.

«Очень надеюсь, что тоннель докопают раньше, чем закончится литература. Тут и так занятий раз-два и обчёлся», – думал Майкл. Белые стены спальни отливали синим оттенком из-за установленных в помещении энергосберегающих ламп. Одновременно холодный и спокойный свет множился по комнате так, что неважно где: на стуле за столом, на кровати или на полу – яркости для работы с текстом было с избытком. Продумано, не то, что с табличками.

Вчитываясь в очередного классика прошлых лет, Майкл с неподдельной тоской смаковал описания жизни людей, когда нахождение на поверхности не считалось чем-то необычным, несбыточным. На страницах романов герои любили и теряли, жили и погибали, плелись в бесконечной череде драм, но были на поверхности. Даже в недавно попавшемся на руки Артуре Кларке, где люди сталкиваются с чем-то «другим», неясным, они всё же где-то там... выше. Не выше, чем хотелось некоторым из них, но бесконечно выше, чем Майкл сейчас.

Время, подобно вязкой трясине, беззлобно поглощает, обтекает. Ты чувствуешь, что находишься в опасности только когда уже по пояс в ней. И вот Майклу, тридцать с неболь-

шим, человеку, что прожил достаточно насыщенную событиями юность, приходится оплакивать потерянную возможность еще лет двадцать-тридцать слоняться по земле без средств защиты. И чем бы он занимался? Глядел бы вдаль, как продолжает и по сей день, только уже через экран монитора.

Майкл спустил мусор, отпрессовал его, сложил в углу второго уровня. Проверил показатели электрощитовой, насосной станции и систем кондиционирования: все показатели в норме. Всё, как указано в выписках с инструкций. Мероприятия по предупреждению неисправностей Майкл решил перенести на завтра, сегодня стоит заняться уборкой верхнего уровня. Вообще до плановых проверок по расписанию еще дней пять, но Майкл всегда делал их заранее, дабы не скапливать кучу дел к концу месяца.

Поднявшись обратно на жилой уровень, он поставил одну из флешек с музыкой. Большой радостью было обнаружить здесь музыкальный центр, когда Майкл только попал сюда, да ещё и с добротной музыкальной коллекцией на носителях почти всех видов. В середине двадцать первого века люди, как правило, не хранили музыку на компьютерах, флеш-накопителях или дисках. Но хозяин этого бункера был крайне предусмотрителен, записав чуть ли не всё наследие музыки, от Луи Армстронга до Нильса Атрейдеса.

Разразившись на всё помещение, после десятисекундного вступления лязгающих электрогитар и нарастающей драм

партии, запел Brent Смит, и Майкл непроизвольно закачал головой в ритм одной из любимых песен. «Не самое интересное занятие – уборка, но плановые процедуры есть плановые процедуры. Всё должно быть в соответствии с расписанием».

Это правило Майкл твёрдо усвоил в первые четыре месяца работы архивистом в одной из крупнейших исследовательских лабораторий мира. Там выходить из заранее спланированного регламента было как минимум неучтиво, как максимум – можно было схлопотать штраф или быть уволенным. Это притом, что в постоянном режиме, вне зависимости от поставленной в данный момент задачи, нужно было контролировать состояние и наличие не одной тысячи документов. Учёт бумаг, приём и выдача – такая загруженность оказалась под силу не многим: до Майкла, пару десятков архивистов точно, уволилось, кто по собственному желанию, кто по приказу сверху.

Но Майкл не был тем, кто тащится на работу, каждый раз заставляя себя не уснуть над очередной кипой макулатуры. Он это дело любил: будь то оформление нумерации или даже печатывание бесконечно продолжительных закрытых проектов лаборатории – он заваривал дешёвый кофе, поправлял очки и приступал, уходя в конвейерную работу с головой. Для него всё это было частью игры в жизнь. Он был прилежным игроком.

Естественное и простое отношение к окружающему миру.

Майкл частенько припоминал слова своего отца, авторитет которого длительное время влиял на его мировосприятие.

– Нет правильных или неправильных ответов. Важно стать в этой жизни человеком, – повторял отец на протяжении многих лет.

– Но разве я уже не человек? – вопрошал юный Майкл.

– В какой-то степени, но есть один нюанс. Существует теория, что наш мозг в том виде, в котором он есть сегодня, это ошибка эволюции. Случайность.

– Ошибка?

– Это теория. Так вот. То, кем мы сегодня являемся, кем мы себя осознаем – теория эта утверждает, что это неверный ход жизни. Однако – вот мы тут. Разговариваем, мыслим, создаём всякие штуки там, самолёты. Я к тому, что мы уже такие и ничего не поделаешь. Существует в таком виде, понимаешь?

– Да.

– Мы можем только лишь выбрать, как ко всему этому относиться. Получать удовольствие или терзать себя сомнениями... эм, жизни. Живи и не забивай голову лишними сложностями. Бояться нечего. Изучай, но не относись слишком серьёзно ко всему этому.

– Это значит стать человеком?

– В какой-то степени.

По завершению подобных диалогов, отец, как правило, тянулся к бутылке, а Майкл шёл к себе в комнату, из кото-

рой в свободное время чаще всего вообще не выходил. «Папа хороший, – думал юный Майкл. – Но чего-то он всё же боится, поэтому и пьёт».

Одновременно с приливом воспоминаний, пока Майкл замывал стены, в один момент во всём бункере погас свет. Нисколько не растерявшись, он достал из нагрудного кармана фонарик и, освещая себе путь, спустился вниз, дабы проверить щитовую. Выбитые пробки, ничего сложного. С поднятием нескольких рычажков подача электроэнергии возобновилась, и Майкл спрятал дежурный фонарик обратно.

– Свет, – нараспев произнёс он. – Вокруг снова светло.

...2.2

Майкл расчесал порядочно отросшие за время пребывания здесь волосы. Он никогда не отращивал длинные волосы, но в сегодняшних обстоятельствах решился-таки поэкспериментировать с внешностью. Единственная, кто сможет оценить подобное преображение, это Лорис. Из всех тех людей, что доводилось видеть Майклу по видеосвязи, помимо Лорис, он не знал никого. Ни одного хоть мало-мальски знакомого лица, силуэта или имени, которыми его жена оперировала, описывая быт и отдельные события подземного города Айнис. Из её рассказов, Майклу виделось, что это лучшее место, доступное человеку сегодня.

Усевшись напротив пульта управления связью, Майкл

оставился в чёрный широкоугольный экран, что занимал с половину площади всей стены. Он ждал. Как и в первый раз, так и во все последующие, выходили всегда на связь с ним, а не наоборот. Он банально не знал, как это делается, да и его всё устраивало: с Лорис после каждого разговора они обговаривали день и час следующей «встречи», и она с маниакальной точностью отправляла запрос на коммутацию в условленное время.

Майкл не сомневался в пунктуальности своей супруги и в этот раз. Покручиваясь в ожидании на стуле, он несколько раз поправил воротник, демонстрируя свою взволнованность. Оставалось несколько минут. Он пробежал взглядом по охватывающему камерой видеосвязи фону у себя за спиной. «Всё на своих местах, всё так, как и должно быть», — Майкл попытался немного расслабиться.

Ненадолго заняв свою голову сторонними мыслями, он планировал завтрашний день. Перебирая в уме все возможные варианты деятельности в этой спасательной подземной камере, Майкл непроизвольно начал протирать очки о только недавно выстиранную белую рубашку. И только монотонные гудки с динамика панели вновь привели его в чувства. Надев очки обратно, Майкл надавил на загоревшуюся зелёную кнопку у края пульта, затем отжатиём ещё нескольких клавиш включил экран и внешний звук.

Монитор дал картинку. На переднем плане сидела кареглазая, самоуверенная рыжеволосая девушка, всматривав-

шаяся немного правее от объектива снимающей её камеры. Позади неё, на фоне ребристой металлической поверхности стены, ненадолго зависнув на месте, мимо прошла пожилая женщина с младенцем на руках, ещё через пару секунд – пара долговязых парней, увлечённо беседующих друг с другом. Один из них был облачён в камуфляжную форму, которая подчёркивала его атлетическое телосложение. По рассказам Лорис их центр связи работал практически в бесперебойном режиме, отключаясь лишь на несколько часов в день.

– Ну здравствуй.

– О, Майкл, ты уже тут. Привет! Ты не представляешь, что тут произошло...

Лорис любила трепаться, а её муж готов был это слушать. Чашка кофе, что была так предусмотрительно приготовлена Майклом, оказалась как нельзя кстати. Отхлебнув немного, он положил ногу на ногу и откинулся в кресле. Воспоминания о близости с этой женщиной отдавали запахом её духов от Диор. Она как будто и сейчас ими пахла.

– Позавчера Митчелу стало плохо, прямо посреди жилой казармы. И все признаки Эрбы – затяжной кашель, трудности с дыханием, конвульсии. Мы тут все до жути перепугались. Ведь не так давно и плановые прививки от аллергии были, и антибиотики принимали.

Майклу всегда казалось, что Эрба слишком уж величественное название для биологического вируса, срубившего человеческое население этого города. Скорее всего, и не

только этого. С другой стороны – великое, или величественное, не значит хорошее. Это мы себе уже сами допридумывали, подгоняя понятие под комфортную интерпретацию. Что же на самом деле определяет величие? Великое – значит выдающееся, выходящее за границы усреднённого вверх, выделяющееся. Если разобраться, то мнение Майкла не основывается ни на чём, кроме собственного восприятия данного термина, однако аргументация в пользу столь непопулярного восприятия звучит вполне себе складно.

Всё это время Лорис без устали о чём-то говорила. Майкл, не теряя заинтересованного выражения лица, попытался вернуться в диалог.

– ...Говорят, что в палате битый час не могли понять, каким образом его могло поразить вирусом, а остальных, всех тех, кто с ним живёт бок о бок, нет. И знаешь, чем это закончилось?

– Даже не догадываюсь. Но судя по тому, что по твою сторону коннекта беззаботно шатаются люди, и я могу общаться с тобой, чем-то хорошим.

– В этот день Митчел решил выкурить сигаретку. И у него...

– Оказалась банальная аллергия на никотин.

– На табак, Майк! Не перебивай.

– Я был близок. Слава богу, что ничего серьёзного. Как же я жду момента, когда смогу коснуться тебя.

Он провёл кончиками пальцев по монитору с изображе-

нием своей жены. «Она в одном ящике, я в другом, – думал Майкл, – проруют дырку и будем в общем». По итогу так и должно случиться.

И как же часто, то тут, то там, в прошлом, говорили о существовании человека как о винтике в перерабатывающей души системе. Сколько нытья за ту же свободу, ещё один термин, который для многих не значил ровным счётом ничего. И в одночасье ставки выросли, а борцы за свободу уступили своё место борцам за жизнь.

– Ты сможешь коснуться меня, – ответила Лорис.

– Я тоже так думаю! – хохотнул Майкл.

– А ещё в Айнисе начались назначения на должности...

– Что слышно с тоннелем до меня? – Майкл потупил взгляд.

– Говорят ещё два-три дня и до тебя докопают. Когда они уже будут приближаться, ты и сам услышишь.

– Слушаю каждый день. С расчётами проблем нет?

– Я несколько раз уточняла у них, Майк, все работы ведутся, учитывая твои сведения. Глубина, расположение, всё схвачено.

– Отлично, – Майкл поправил очки.

– И как так вышло, что мы оба уцелели и нашли укрытие? – подавшись к камере, Лорис облокотила голову на руку.

– И как так вышло...

Лорис прямо с языка сняла этот вопрос. От мысли, что

они, возможно, чувствуют друг друга даже на таком расстоянии, становилось немного легче.

– Мне сегодня позволили поговорить с тобой на час дольше обычного. Только недавно поняла, что никогда у тебя не спрашивала, как тебе удалось найти убежище, только и болтала что о себе.

– Да, ты любишь говорить.

– На этот раз немного послушаю. Начинай.

...3.1

День как день, с самого утра ничего примечательного. Майкл не мог сказать точно, что его разбудило: то ли заведённый на семь-тридцать будильник, то ли назойливое жужжание неуёмной мухи, кружившей где-то под потолком. Протянув правую руку к прикроватной тумбе, он стащил очки, и, надев их, растянулся на кровати. Частички пыли в комнате под прорывающимся через закрытые занавески светом были видны невооружённым взглядом. Из-за стены доносились шорохи и вышагивания суевающейся поутру Лорис.

Подойдя к окну и отдёрнув штору, Майкл, сфокусировав взгляд на самом подвижном объекте, проследил за уезжающим к горизонту лысым велосипедистом. Одетый в облегчающий спортивный костюм, правильное название которого Майклу было неизвестно, спортсмен выехал с асфальтированной дороги конца улицы на широкую тропу, продолжая

движение уже в небольшом желтоватом облаке из песка, что поднимался из под колёс велосипеда.

Надо бы и ему заняться спортом, а то такими темпами наберёт ещё несколько лишних килограммов, что вызовет у Лорис поток нескончаемых осуждений.

– Завтрак стынет, Майк, давай живее! – прокричала Лорис.

– Да иду я, боже.

Через двадцать минут или около того он уже сидел за кухонным столом и потягивал кофе, неотрывно наблюдая за раскинувшимся пейзажем за окном. «Ведь эту красоту природа создаёт с помощью обыденности, что столь свойственно ей. Только лишь кропотливая, однообразная, но в то же время усердная работа позволила жизни создать всё это», – рассуждал Майкл.

Вид, в который до беспамятства влюблялся Майкл каждый божий день, представлял собой смесь волнистого плато вблизи и шикарной, как срисованной со сказок о затерянных краях, долины поодаль. Зелёное полотно расстилалось на многие километры вперёд, лишь изредка прерываясь то на более серые тона, а то и на более яркие – будь то многолетние крокусы или жёлтый шафран. С каждым дуновением порывистого ветра было видно, как дышало это место, переплетая на себе всё жившее существо этого голубого шарика.

Такой обзор стал кладом, неожиданно откопанным на окраине этого кипящего города. Двадцать километров к се-

веру – и это уже мегаполис. Миллионный город, в котором казалось, будто весь этот мир дело наших рук и только. И только тут, близь свободы, раскрывалась истинная природа вещей.

Это место звалось долиной Путука. И чёрт знает, почему именно так. Название и по сей день казалось Майклу достаточно забавным.

Когда-то, перебрав не один десяток вариантов, именно этот дом оказался одним из самых доступных по бюджету за счёт его максимальной удалённости от здешней цивилизации, как им объяснили. Финансы были ключевым аспектом, на котором сошлись супруги. С самого первого дня оформления данной собственности складывалось впечатление, будто риелтор не то, чтобы продавал этот дом: он старался раскидаться с этой сделкой как можно быстрее. Будто хотел избавиться от него.

Майкл размышлял о других возможных причинах такого отношения именно к этому зданию ровно до того момента, пока не увидел картину, что раскрывалась из широченного окна кухни. Почему его не зацепило всё это зрелище там, на улице, перед тем как они в первый раз зашли внутрь, он понять не мог. Может всё дело в ракурсе, позиции смотрящего или направлении света?

В любом случае, после увиденного отсюда, Майкл был готов смириться с любыми возможными трудностями и подводными камнями в этой сделке. То, что давало ему это ме-

сто, было многократно дороже.

Несмотря на формально принятое решение, какое-то время Лорис ещё упорствовала в пользу нецелесообразности данной покупки, в основном из-за логистики и обилия множества насекомых, что по её словам, просто зверски бесили. Майклу эти доводы казались несущественными. Лорис, наблюдая за упоительным наслаждением, которое испытывал её муж от этого местечка, в конце концов, смирилась.

В любом случае её можно было понять: работала она удалённо менеджером крупной международной компании, которая осуществляла сервисные услуги по сопровождению продаж со всевозможных маркетплейсов. Если ей приходилось ехать в офис, на это уходило добрые полчаса, если она вытаскивала Майкла в ближайшую забегаловку, дорога также была не многим короче. Что уж говорить об их последнем посещении театра Мольера, путь до которого занял практически полтора часа. Да и спектакль Майклу пришёлся не слишком по душе.

Активность Лорис всегда возбуждала в Майкле некоторое восхищение, а учитывая его достаточно холодное отношение ко всякого рода встречам и тусовкам, Лорис дополняла его и в этом. Майкл и не сомневался в том, что подобное взаимодействие работает и в обратную сторону.

– Что думаешь делать дальше? – Лорис зашла в кухню и села напротив Майкла.

– О чём ты? – пребывая в своих мыслях, спросил Майкл.

– Ну, ты так и собираешься до конца дней работать пере-
кладывателем бумажек?

– Не вижу в этом ничего предосудительного. – Ему ча-
стенько приходилось гасить эмоциональные всплески жены.
Майкл не жаловался, ему это даже нравилось. – Любая ра-
бота хороша, разве нет? Эта мне нравится.

– До конца своих дней прожить вот в этой конуре? – Лорис
демонстративно развела руками. Когда она злилась, то начи-
нала с особым усердием набирать воздух в лёгкие, от чего
её ноздри раздувались каждые несколько секунд. До Майкла
только сейчас донёлся запах духов, которыми его жена поль-
зовалась не так часто.

Дом, прямо скажем, был не в лучшем состоянии и требо-
вал постоянного ухода то за одной своей разваливающейся
частью, то за другой. Но принимая тот факт, что оба они бы-
ли бережливыми и аккуратными хозяевами, уют в этом доме
был максимально возможный. «Она должна понимать сего-
дняшние условия», – думал Майкл.

– Ты сегодня уезжаешь?

– По работе надо. Да, уезжаю. Ты ответишь на мой вопрос
или нет?

– На какой именно? – Майкл перевёл взгляд на Лорис.

– Ты чего-нибудь от этой жизни хочешь?

– Хочу спокойно жить.

Она вскочила из-за стола. Тоже самое, только более раз-
меренно, проделал и Майкл. Сгрузив грязную посуду в ра-

ковину, он повернулся и взял жену за руку.

– Давай я вернусь с работы, и мы обсудим то, что тебя беспокоит, согласна?

– Всё по новой, чтоб тебя...

Скованная, но властная, она положила свободную руку ему на плечо:

– Ты понимаешь, откуда растут ноги наших проблем, Майк?

– Мне кажется, ты преувеличиваешь, Лори. Нет никаких проблем, а трудности мы преодолеем, как это делали всегда.

Лорис вздохнула. «Она очень много работает, – думал Майкл. – Надо ей устроить запоминающийся уикенд. Как она любит». Он поцеловал её руку, и двинулся в сторону спальни комнаты за своим чемоданчиком, отгоняя рукой назойливую муху.

– Да, я наверно погорячилась, – будто бы в пустоту проговорила Лорис.

– Не страшно, – прогудело из-за стены.

– Поехала я в офис, такси уже тут. Чао, Майк, – Лорис неслышно закрыла за собой дверь.

– Я могу тебя отвезти, сам сейчас выезжаю. Лори? – Только выйдя к прихожей, Майкл сообразил, что она уже ушла. – Вредничает.

Лаборатория, в которой работал Майкл, была названа в честь небезызвестного Александра Флеминга, который в тридцатых годах прошлого века открыл пенициллин. Подавляющее большинство людей, с которыми общался Майкл, знали и об этом человеке, и о его открытии. Знали порой даже о менее значительных достижениях

Флеминга, таких как, например, открытие лизоцима – фермента, умертвляющего лишь некоторые бактерии, не причиняя вреда здоровым тканям. Крайне неэффективного фермента, скажем. Однако практически никто не мог рассказать, стечение каких обстоятельств позволило пенициллину появиться на свет.

История, которой блистал Майкл, тем немногим его собеседникам с работы казалась скорее надуманной, но это была чистая правда. Нечистоплотность, неряшество и пренебрежение правилами работы в лаборатории – вот факторы, наряду с трудолюбием Флеминга, разумеется, которые позволили сделать культовое научное открытие.

В лабораториях ёмкости с бактериальными культурами после окончания работ с ними сразу же зачищали и вымывали. Это было показателем профессионализма и добросовестного отношения к работе. Флеминг, в свою очередь, постоянно складировал на своём столе вышеупомянутые ёмкости с бактериями, избавляясь от них только когда места на лабораторном столе уже не оставалось. Раз в несколько недель, когда Флеминг принимался за уборку, он повторно

просматривал культуры, в надежде отыскать что-то интересное. И однажды отыскал очень любопытную плесень...

Эти и подобные им исторический факты раз за разом заставляли Майкла всё твёрже уяснять, что некоторые высказанные его отцом догмы правдивы как никогда. Весь смысл в том, чтобы получать удовольствие. Быть проще, любить то, что делаешь. Не забивать голову лишними сложностями. Однако Майкл всегда любил следовать строгому порядку, поэтому себя с личностью Флеминга он и не пытался ассоциировать. Они явно разные люди с отличным подходом к делу, что, однако, не противоречит всё тому же правилу – существуй так, как тебе комфортно.

Заведя автомобиль, Майкл вышел, чтобы протереть заднее стекло. Оглядев тихую улицу, он обратил внимание на странный силуэт,двигающийся в его направлении.

По покрытой небольшими трещинами асфальтированной дороге, к Майклу приближался сутулый, но широкоплечий мужчина. Лишь за несколько шагов он признал в незнакомце жившего неподалёку, седовласого Мислава Бабича, который неуверенно ковыляя по центру проезжей полосы, бормотал что-то себе под нос.

Судя по внешнему виду, хорват пробыл в пьяном забытие не меньше суток, грязный и одутловатый, он казалось сейчас пройдёт мимо Майкла, но в самый последний момент шатающееся тело остановилось и повернулось в его сторону.

– Ты где ночевал? – не отрываясь от тряпки и стекла, Май-

кл заговорил первый.

– Там, – Мислав указал на поросшую бурьяном детскую площадку, за которой проезжая часть уходила к городу, огибая несколько крайних жилых домов.

– Сто метров до дома не дошёл?

– Ой, да заткнись. Лучше скажи, ты смотрел вчерашний репортаж по третьему каналу? – Мислав наклонился. – Нас, обычных работяг, изжить хотят, сукины дети! Извести как скот!

– Не смотрю телевизор, – чуть более резко, чем обычно, ответил Майкл.

– Пришлось выпить, чтобы успокоить нервы. Новый способ сокращения населения, чтоб тебя! Никаких больше воин в классическом понимании на нашем веку. Никаких конфликтов между территориями. В один момент на нас просто пустят вирус или что-то подобное, и дело с концом. От нас избавятся, приятель. Когда время придёт, я-то буду готов. Там про вашу конторку много говорили...

– От «нас»?

– От низших слоёв общества, вот кого. Те, что сидят наверху, уже начали отравлять нашу еду, воздух...

– Я себя к таким не отношу. Так что мне, стало быть, бояться нечего.

Майкл убрал тряпку в бардачок автомобиля, и, облокотившись на дверцу, развернулся в направлении Мислава, на лице которого отражались все признаки сильнейшего похме-

ля.

– Да где ты, Майк, со своими восемьюстами долларами в месяц, как не внизу всей этой грёбаной трясины?

– У меня своя градация. А тебе бы подлечиться что ли, – Майкл ухмыльнулся.

– Ты наверно думаешь, что ты с краешку уживёшься? Нет, нет и ещё раз нет. Так не бы-бывает. Поэтому знаешь что? – Мислав приблизился почти вплотную к Майклу, награждая его ароматами дешёвого бренди и сырой земли, – надо готовиться. Как делаем я... и Фрэд, другой Фрэд из тринадцатого дома. Или тот коренастый южноамериканец, богатежка, из вашей лаборатории.

– Что с женой и двумя дочками? Его зовут Энцу.

– Да, Энцу. Мда, – заикнувшись, Мислав продолжил, – ну и имечко... У этого Энцу, поговаривают, бункер отделан по последнему слову моды и техники! На случай непредвиденных обстоятельств, так сказать. Неспроста ведь. Ворует, небось, столько, что ещё на три хватит.

– Да что всё это значит?

– Это значит, что тебе стоило бы немного оглядеться. Вокруг тебя ничего не происходит только потому, что тебе ничего не интересно. Придёт время, и этим воспользуются, – Мислав попытался убить мошку, усевшуюся ему на плечо. – Ты не сможешь просто наблюдать, когда начнётся истребление – ты будешь жертвой.

– Это занимательно, – Майкл опустил глаза.

– А Энцу твоего, вечно крутят по городскому телевидению. С ним давно всё ясно.

– Не смотрю телевизор, – раздражённо повторил Майкл.

– Так и умрёшь дураком.

– Приходи в себя, Мислав, а мне пора. – Майкл сел в машину и приоткрыл окно.

Салон автомобиля пропах духами жены. Лишь только этот аромат перебил зловония, что исходили от Мислава, как Майкл снова почувствовал себя лучше. Он на какие-то пару секунд задумался о том, как ему повезло жить с этой женщиной. Улыбаясь своему отражению в зеркале заднего вида, Майкл воткнул первую передачу. «И насколько бредовые мысли у этого хорвата».

– Задумался бы ты хоть ра-раз, к чему мы идём. Тогда бы ты меня понял. – Мислава порядочно водило из стороны в сторону с каждым новым шагом от автомобиля.

– Существует в таком виде, а там посмотрим, – неуверенно проговорил Майкл.

Приведя в движение старенький Форд Скорпио, Майкл включил радио, и, усевшись поудобней в водительском кресле, начал напевать мотивчик, который крутился у него в голове с самого утра. В сочетании с Элвисом Пресли, что звучал из радиоприёмника, звуковой фон создавался, мягко говоря, специфический.

В архиве на удивление с самого начала рабочего дня тишина и покой. А если учитывать тот факт, что Майкл внёс все изменения в справочно-информационный реестр о составе и содержании документов архива ещё в прошлую пятницу, всё свободное время он мог уделить чтению.

Совсем недавно он начал читать очень интересный труд по психологии от Карла Юнга и Мишеля Фуко. Достаточно сумбурное повествование о жизни нервных расстройств и психических заболеваний, но от того не менее захватывающее, нужно признать. Полностью увлеченный книгой, Майкл просидел около трёх часов в одной и той же позе за рабочим столом. Лишь когда глаза порядочно устали, он решил ненадолго оторваться от книги.

Помещение архива представляло собой широкое пространство, заставленное стеллажами с документами, что образовывали обособленный лабиринт. На пятаке возле самого входа особнячком располагалось рабочее место архивиста: стол, стул, пара настенных полок, компьютер с несколькими отдельными жесткими дисками, подключёнными к общей виртуальной системе. В смежной комнате за дверью стоял блок сервера, на боковой стенке которого большими печатными буквами красовалась аббревиатура «РОД»

«РОД» была одной из самых крупных организаций в стране, основными сферами деятельности которой были недвижимость и медицина. Вообще они много где преуспели, но

достижения именно в этих областях позволяли им всегда оставаться на слуху. Они были под стать Кока-коле по популярности, по крайней мере, для этого города. Вы могли так никогда и не попробовать кока-колу, но не знать о ней было невозможно: из каждого второго угла трещал фирменный слоган, а перед глазами всегда висел логотип.

И конечно, как и вокруг любой гигантской корпорации, вокруг «РОД» ходили разные, мягко говоря, неоднозначные слухи. Большинство из которых были связаны с лабораторией Флеминга, в которой трудился Майкл.

Одним из таких слухов было то, что якобы под ширмой добродетели и покровительством первых лиц на протяжении более года лаборатория, как и весь комплекс, разрабатывала всякого рода биологическое оружие. Даже в столовой этого же комплекса, где приём пищи совершался исключительно сотрудниками, можно было уловить перешёптывания на подобные темы.

Верить в подобные рассказы было не в правилах Майкла, но раз за разом очередная конспирологическая теория неминуемо откладывалась в его голове. Бывало, в свободное от работы время, имея доступ к большинству документов, Майкл рыскал по стеллажам в поисках подтверждений наличия скрытой деятельности компании, но ничего, хоть мало-мальски напоминающее подозрительное содержание, он найти так и не смог.

Все разработки, что велись данной структурой и с кото-

рыми соприкасался Майкл, были направлены на достижения благих целей: излечение рака, регенерации всевозможных клеток, более эффективные способы борьбы с широко известными заболеваниями и т.д. Из последнего – работы по исправлению «ошибок» иммунитета, снижение гиперчувствительности организма на отдельные вещества. Майкл не так давно обрабатывал данные с результатами очередных экспериментов.

Спрятав книгу в выдвижной ящик своего стола, Майкл вышел из архива, заперев за собой дверь, двинулся вверх по пролёту лестницы. Чтобы дойти до ближайшей уборной из подвальной части помещения, нужно было подняться на второй этаж, пройти по коридору налево и, минуя конференц-зал, свернуть ещё раз налево. «Неужели нельзя было соорудить хотя бы одиночный санузел на уровне подвальных помещений», – размышлял Майкл. Помимо архива тут располагались и склады, и дебаркадер, и гардеробы. И всему персоналу этого уровня нужно было тащиться на второй этаж.

Поднявшись по пролёту комплекса, Майкл уловил восклицания местных лаборантов. В одном из помещений вёлся оживлённый спор. Уставившись в самую дальнюю точку коридора, в том самом месте, где располагался следующий указатель, Майкл начал непроизвольно прислушиваться. Спор, как ни странно, был не о результатах очередных исследований, не о придурке начальнике и даже не о смысле жизни.

Мораль современного общества, вот о чём шла речь. Все участники дискуссии, а судя по голосам, их было не меньше четырёх, приводили всё новые и новые доводы в пользу устаканившихся правил жизни, моральных принципов и человечности. Говоря обо всём этом, один из них раз за разом обращал внимание на «испорченность» отдельных каст, и о невозможности исправления этой испорченности, которая проявлялась в невежестве и необразованности. Тон дискуссии поднимался с каждым новым доводом и перечисление факторов влияния продолжалось.

Майкл сдержался, чтобы не засмеяться в полный голос. Как же его веселила подобная вера во все эти термины. Мораль и человечность – ещё пара словечек, которые идеализируют и тут и там, совершенно не понимая ложность их интерпретаций. Да хотя бы то, что человеческий вид, это вид, который не так давно самоистреблялся по каждому надуманному поводу, говорит о несостоятельности подобных суждений. Люди убивали ради прихоти невидимых богов, ради сохранения чистоты расы, насиловали и пытали себе подобных в угоду причисления себя к некой «сильной группе».

Мораль. Человечность. Дерьмо на палке. Красота этой жизни в её неоднозначности, в её постоянном тяготении к аморальным компромиссам, умении оставлять на плаву тех, кто приспособливается. «Если бы этих моралистов да запереть в пустом подвале, сколько понадобится времени, чтобы они забыли о своих высоких принципах? Совсем немного», –

подумал Майкл.

– Мы тоже проявляем определённое невежество, если вы понимаете, что я имею в виду. И мы так же готовы убить, под влиянием определённых факторов! Так что не будем скромничать, Маркез, всем кастам присуще подобное поведение! – восклицал один из участников разговора.

– Судя по тону, ты намекаешь на что-то конкретное?

– О, ты очень точно это определил.

До последнего момента Майкл не обращал внимания на сильные тембры теперь уже знакомых голосов. Не обратил он внимания так же на табличку конференц-зала, которая возвещала о совещании и запрете входить внутрь. До Майкла начало потихоньку доходить, что по ту сторону двери находились отнюдь не лаборанты. Оглядевшись по сторонам, и не обнаружив движения во всём коридоре, он подошёл ближе.

– Это та ситуация, в которой необходимо пренебречь... правилами, ради достижения большей цели.

– Ты заговорил на языке необразованных, или мне показалось? Энцу, ты начинаешь забывать, что любая жизнь важна. И это всё, всё, что тут возведено, ради продления и улучшения жизни, а не ради убийства.

– Чёрт, что? – Майкла передёрнуло.

– Я с самого первого дня работаю ради людей и общества. И, да, я взял на себя ответственность, уже заключив договорённости с местной администрацией на использование Эрбы. У тебя, Волков, всегда найдётся тысяча причин отклады-

вать этот вопрос до бесконечности.

– Ты что сделал? – сторонний голос ввязался в диалог.

– Зачистим всё близь долины Путука и прилегающей территории. Сделаем это аккуратно, и, возможно даже, не будет никаких доказательств нашей прямой причастности. Скорее всего, мы и мегаполис зацепим, так что будьте готовы.

– Это бесчеловечно, чёрт возьми! Это вирус, а не хлопушка с детского праздника, – прохрипел новый голос.

– Выбора у нас уже нет, мы подписались господа. Я это сделал от имени нас всех. И сейчас это всё неважно, договорённость достигнута ещё неделю назад. И всё готово для немедленного внедрения. Посмотрим на результат. Сегодня первый раз мы пробуем Эрбу.

– Ты с ума сошёл, Маркез?!

– Спокойствие, господа. Сдержат препарат в определённой зоне труда не составит, у нас имеются все нужные инструменты. Выносить этот вопрос на общее обсуждение времени не было, мы терпим убытки.

Мурашки пробежали по всему телу Майкла. «Эрба, вирус, внедряется сегодня. Что это, чёрт возьми, всё значит?! Это же байки, всё это байки...» – Майкл попятился.

Он больше не мог разобрать ни слова, из-за учащённого сердцебиения закладывало уши. Уклад размеренной жизни дал сбой, глаза Майкла забегали. Дойдя на автомате до туалета, он упёрся руками в раковину. Лишь только через несколько минут у Майкла получилось успокоить своё бу-

шающее воображение и снова начать думать.

Все эти чёртовы домыслы, небылицы с разработкой биологического оружия, неужели это могло быть правдой? Как часто Майклу приходилось слышать и отметить подобные теории, но что если он ошибался? Тут же в памяти всплыл сегодняшний диалог с Миславом. Все размышления вели к одному: упоминания об Эрбе не могли пройти мимо архива, и Майклу следует всё проверить, перед тем, как додумывать самостоятельно.

В глазах слегка помутнело, Майкл сильнее вцепился в раковину обеими руками, чтобы сохранить равновесие. Кто-то окликнул его, но обернувшись, он никого не увидел.

...4.1

Майклу было шестнадцать, когда отец умер от хронической обструктивной болезни лёгких. Ничего не предвещало подобного стечения обстоятельств, отец Майкла не курил, никогда не работал с вредными для лёгких веществами. Честно говоря, Майкл уже и не помнил, кем именно работал его отец. От силы в их семье об этом упоминалось раза два, но интереса к этой информации у Майкла по каким-то причинам не было ни тогда, ни сейчас.

Отец был для него носителем жизненной позиции, которую он впитал, но не более того. С течением времени Майкл с уверенностью мог заявить – семейного уюта, любви и

немого понимания в их семье не было никогда. Он уважал, но не любил отца. Они скорее просто существовали в одной квартире, замечая друг друга только тогда, когда у отца проходило похмелье и ему хотелось закинуть порцию философии в неокрепший ум Майкла. Сам Майкл ценил эти моменты больше всего в своём однообразном быту, и с большим удовольствием впитывал нравоучения, потому как эти редкие моменты были единственными в их семейном общении.

Когда однажды после уроков Майклу позвонили и сообщили о госпитализации отца, он, не слишком торопясь, выдвинулся в сторону больницы. Ощущение возможной потери не терзало его, чувство утраты не подступало к сердцу. В этом возрасте Майкл испытывал минимум искренних, сильных эмоций, с самого юношества считая это огромным преимуществом перед остальными людьми. Так, собственно, говорил ему отец.

В приёмной больницы в тот день его встретила толстая медсестра с необычным именем Альбертина. Он никогда не слышал такого имени раньше, о чём без задней мысли сообщил ей. Из двери в дверь сновали люди в халатах, куда-то катили пустое инвалидное кресло, Майкл отчётливо слышал чей-то стон.

– Молодой человек, у вас есть ещё родные? – спросила сестра Альбертина.

– Может быть. Но... нет. Их нет, – ответил Майкл.

– Хоть кто-то должен же быть? Тётя, дядя, двоюродный

брат?

– Нет.

Альбертина опустила взгляд к пачке бумаг, что держала в левой руке. Занесла пару пометок. Тучность этой дамы насколько не мешало ей быть по-своему грациозной, лёгкой и обаятельной.

– Дуглас Рейв, ваш отец, единственный ваш родственник?

– Да. Когда, кстати, он сможет вернуться домой?

– Он болен, сынок. У него... патологическая болезнь лёгких. – Альбертина приобняла Майкла, отведя его в сторону, усадила на стул в зале ожидания возле приёмной. – Боюсь, у него не так много времени.

Майкл достал смартфон и уткнулся в него, перебирая что-то по экрану, выказывая своё напускное безразличие. Сначала сестра Альбертина решила, что он хочет кому-то позвонить или написать, но нет. У маленького Майкла действительно больше никого, кроме отца, не было. Сейчас ему просто нужно было занять руки.

– Прости сынок, – она взяла Майкла за руку.

– Не называйте меня так, вы мне не мать, – он отдёргнул руку обратно.

В помещении становилось очень душно, а нависающая над ним медсестра, не смотря ни на что, всё больше и больше раздражала Майкла. Её «воздушность» и чистосердечность в момент превратились в огромный тяжёлый камень, который Майкл будто бы водрузил на спину. Он не хотел плакать,

но хотел выместить накапливающуюся злость, и не понимал, как это сделать. Сжимая потный кулачок, он выпрямился.

– Я хочу к нему.

– Понимаю.

– Мне не нужно ваше понимание. Пустите меня, пожалуйста, пустите меня к нему.

– Ещё несколько вопросов. Вы должны ответить, потом я попробую договориться. – В какой-то момент сочувствующие глаза сестры сменились на холодные, она села рядом, – какие у вас отношения с отцом?

– Отношения как отношения, что вам надо?

– Почему вы в такой одежде? – она указала на Майкла.

Кофта Майкла была изрядно затёрта. Грязные засаленные джинсы давали понять, что их не переодевали несколько недель. Ботинки были изношены. Майкл не понимал, какое значение это всё имеет сейчас.

– Что с ней не так? Дайте мне пройти к отцу!

Последние слова прозвучали настолько вызывающе, что пару десятков человек обернулось в их сторону. Майкл почувствовал себя идиотом, снова опустил глаза к телефону. Часы, висевшие над стойкой в холле, несколько раз пропищали. Звук показался Майклу отвратительным.

– Где твоя мама, Майкл?

– Её нет.

– Она умерла?

– Её просто нет. Пошли вы.

Альбертина отложила бумаги:

– Мы продолжим этот разговор позже, а сейчас, если ты не против, я бы хотела тебя кое с кем познакомить, – к Альбертине вернулись её сочувствующие глубокие глаза. Она повела Майкла за одну из этих бесконечных дверей. Каждый из врачей, которых Майкл разглядывал по пути, носили на лице маску обособленности и безразличия, что никак не вязалось с его мальчишескими образами этой профессии, скормленные ему через кино и школьные книги. Он впервые был в больнице.

– Лори, ты тут? – окликнула медсестра, когда они с Майклом вошли внутрь.

– Да, тётя Сарто. Что вы хотели?

Из-за угла выбежала девочка с копной рыжих волос на голове. Навскидку она была ровесницей Майкла, но выглядела куда лучше и держалась куда более статно: чистая белая кожа, новенькое платице, прямая осанка. Карие глаза блестели непритворными эмоциями, прямодушием. С появлением её в комнате помещение как будто бы стало чуточку светлее.

Майкл выдохнул, и, наблюдая за лёгкими покачиванием этой девочки из стороны в сторону, сумел подавить в себе часть негатива. На полминуты он абсолютно забыл об обстоятельствах, которые привели его сюда.

– Лори, это Майкл. Майкл Рейв, это Лорис Тентативо. И не удивляйся, фамилия итальянская.

– Привет, – Майкл протянул руку. Лорис пожала её доста-

точно уверенно, хоть и немного смутилась.

– А ты мужчина! – обрадовалась Альбертина. – Побудьте вместе, пообщайтесь. Если твоего отца приведут в сознание, то обещаю, я устрою для вас встречу, хорошо?

– Да... Спасибо, мисс Сарто, – глядя в пол, он слегка изменился в лице.

Лорис после этих слов не то хохотнула, не то хрюкнула, но именно этот звук сегодня показался Майклу единственным приятным за весь день. Альбертина снова улыбнулась. Подняв голову, Майкл впился взглядом в Лорис.

– Вы пока можете посмотреть телевизор.

– Я и так его смотрю, – Лорис слегка возмутилась.

– Не проказничать! – сестра Альбертина вышла из комнаты.

– Это называется ординаторской, – прошептала на ухо Майклу Лорис. – Идём, что ли, посмотрим ящик.

– Пожалуй.

Они прошли в соседнюю комнату и сели на серый диван. На полках вокруг телевизора, стоявшего напротив, было расставлено порядка сотни книг, которые сразу завладели вниманием Майкла. Разноцветные корешки, яркие иллюстрации на обложках – недолго думая, он встал и подошёл к полкам. Обтерев потные ладони об штаны, Майкл начал листать одну из первых попавшихся под руку книжек. Лорис, отключив звук на работающем телевизоре, облокотилась на спинку дивана:

– Что ты там ищешь?

– Смотрю что есть.

– Как только выберешь себе что-нибудь, отойди в сторону, а то ты весь обзор закрываешь, – Лорис снова включила звук, но громкость убавила.

Перебрав несколько непонятных для себя изданий, Майкл вытянул из глубины верхнего стеллажа большой том, на лицевой стороне которого была изображена широкая река. Пролистав несколько первых страниц, он вернулся на своё место рядом с Лорис.

– Ты такое видела вживую? – Майкл придвинулся с раскрытой книгой на руках.

– Да, видела и круче, – не без энтузиазма произнесла Лорис.

– Мне нравится. Это должно быть нереально красиво, – Майкл повернулся к ней и расплылся в улыбке. Grimаса вышла одновременно нелепой и милой, как показалось Лорис.

– Не очень далеко отсюда можно наткнуться на подобный вид, – Лорис наклонилась ближе, – а вот что-то подобное я видела в Италии. – Она указала на пейзаж соседней иллюстрации. Живость этой девчонки не шла ни в какое сравнение с привычной замкнутостью Майкла.

Вдруг его перекосило, сторбившись и развернувшись вполоборота, Майкл прищурился. Вглядываясь в портрет пожилого мужчины, висевшего на стене, он застыл.

– Что такое?

– Придя сюда, я слышал стоны. Ты не знаешь, чьи они?

– Я не слышала. Наверно это больные.

– Ну да, – отложив распахнутую книгу, Майкл протянул поднятый с подушки пульт. – Выбирай, что смотреть будем.

...4.2

Однажды наступает момент, когда вы понимаете, что являетесь в равной степени уязвимым перед жизнью, как и все вокруг. И вроде бы это было ясно с самого начала, но вы никогда не придавали этому значения. Не задумывались всерьёз. А в момент так называемого прозрения необходимо объяснить себе, что ты готов дальше мириться с этой уязвимостью по каким-то более веским причинам, чем просто ради движения из одной точки к другой. И горе тем, кто не находит в этом монологе достойных доводов.

Майкл стоял напротив бледно-белой двери и ждал разрешения какого-то там старшего терапевта войти. Он боялся. Боялся ещё и потому, что не мог вспомнить ни одного наставления отца, которое могло бы подойти к данной ситуации. Но Майкл был уверен, что, войдя в эту дверь, он получит ответы на те вопросы, что возникли по стечению случайных обстоятельств сегодня. Отец должен знать, что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.